УДК 34
ББК 67

ПОЛИГРАФ ПОЛИГРАФОВИЧ

НИКИТА АЛЕКСАНДРОВИЧ КОЛОКОЛОВ,
судья Верховного Суда РФ (в отставке),
доктор юридических наук
Научная специальность 12.00.09 – уголовный процесс

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Анализируется противоречивая судебная практика применения «полиграфа».
Ключевые слова: доказывание, доказательства, полиграф, заключение полиграфолога.

Annatation. Analyzes controversial judicial practice of the «polygraph».
Keywords: Evidence evidence, polygraph conclusion of the polygraph.

Вопрос о том, как отделить в показаниях правду от лжи во все времена был в центре внимания специалистов в сфере доказывания. Истории известны различные приемы, позволяющие с той или иной степенью вероятности сделать вывод о достоверности сказанного участником процесса, однако ни один из них не гарантировал 100% надежности.

В середине прошлого века появился полиграф (именуемый тогда «детектором лжи») – многоканальный осциллограф, осуществляющий одновременную запись различных функций организма при его комплексном исследовании. Вскоре, впрочем, выяснилось, что и он не застрахован от ошибок. Несмотря на это полиграфами обзавелись практически все региональные подразделения, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность. Правда, информация, получаемая с помощью данного чуда техники, долгое время носила статус оперативной. Затем появились умельцы, трансформирующие ее в конкретные доказательства – заключения психофизиологических экспертиз, достоверность которых с недавних пор признается судами различных уровней.

По приговору Забайкальского краевого суда от 14 июля 2010 г. Шеломенцев, и др. осуждены к различным срокам лишения свободы. Данное уголовное дело ничем не примечательно, за исключением, пожалуй, одного – Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в своем кассационном определении от 8 февраля 2011 г. сослалась на заключение, составленное на основе результатов психофизиологической экспертизы, как доказательство, указав при этом следующее.

Осужденный Шеломенцев, оспаривая «заключение психофизиологической экспертизы, просил таковую провести повторно». Он также утверждает, что его обвинение основано на «противоречивых показаниях Р. и детектора лжи».

«В своей жалобе Шеломенцев оспаривает заключение психофизиологической экспертизы, подтверждающее его участие в совершенных бандой преступлениях, включая нападения на водителей П. и А.

Указанные доводы являются необоснованными.

Как следует из материалов дела, психофизиологическая экспертиза осуществлялась на основе постановления следователя Янченко Е.М. квалифицированным и опытным экспертом, которым являлся заведующий лабораторией специальных психофизиологических исследований Сибирской академии права, экономики и управления, кандидат юридических наук, доцент Яковлев Д.Ю., имеющий свидетельство на право опроса граждан с использованием полиграфа и общий стаж экспертной работы 15 лет.

Психофизиологическая экспертиза в отношении Шеломенцева проводилась в соответствии с Методическими рекомендациями по проведению психофизиологических исследований с использованием полиграфа (т. 15 л.д. 9-63).

Оснований не доверять выводам эксперта у судебной коллегии не имеется.

Выводы суда о виновности Шеломенцева в преступлениях основаны не только не заключении эксперта, но являются результатом исследования в судебном заседании совокупности доказательств, достаточных для постановления обвинительного приговора».

«Вывод суда о причинении Румянцевым совместно с Шеломенцевым тяжкого вреда здоровью потерпевшему П. основан на следующих исследованных в судебном заседании и изложенных в приговоре доказательствах, включая:

- заключение психофизиологической экспертизы, согласно которой у Румянцева выявлены реакции, свидетельствующие о том, что он вступал в сговор с Шеломенцевым на совершение нападения на Петрякова…»

«Оценив исследованные доказательства в их совокупности, суд признал достоверными показания Шеломенцева о том, что он и Румянцев договорились

о совершении разбойного нападения на водителя, поскольку они согласуются с заключениями психофизиологических экспертиз, подтверждающих согласованность, целенаправленность действий подсудимых»[1].

Мнения юристов относительно возможности использования результатов психофизиологических экспертиз, а равно допустимости их назначения и проведения, как говорится, разделились. Как видим, данное обстоятельство не мешает судам формировать прецедентную практику, в обязательном характере которой мы нисколько не сомневаемся. Поскольку понятийно-категориальный аппарат, обслуживающий понятие «психофизиологическая экспертиза», пока не сложился, автор умышленно сохранили формулировки, предложенные авторами кассационного определения, тем более, что докладчик по делу – судья Верховного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор О.Н. Ведерникова; председательствовал в процессе известный российский процессуалист – судья Верховного Суда РФ А.С. Червоткин.

История развития института доказательств насчитывает не одно тысячелетие. Время от времени, некоторые из них становятся модными. Например, «царица доказательств» – признание обвиняемым своей вины. Обоюдоострый характер информации, заключенной в данном доказательстве, общеизвестен. Перечень жертв самооговора как добровольного, так и вынужденного весьма значителен, чтобы его можно было бы игнорировать.

Анализ современных уголовных дел свидетельствует, что в тех случаях, когда речь идет о преступлениях, совершенных в условиях неочевидности, доказываение превращается в игру «первое слово – дороже второго». Порой описательно-мотивировочная часть приговора – наполовину рассуждения на тему, когда подсудимый, говорил правду, а когда нет.

Внедрение в систему доказательств выводов психофизиологических экспертиз означает укрепление доверия к показаниям, «освященным» не пыткой, как это было в недавнем прошлом, а мнением неких узких специалистов.

Вместе с тем, введение таковых в процесс неизбежно чревато угрозой целого комплекса ошибок, до сих пор неведомых нашему уголовному процессу. Ошибиться может как сам эксперт, так и его «машина»; совершенство методик, используемых при проведении психофизиологических экспертиз – пока лишь гипотеза. Исторический опыт свидетельствует, что порой проходят многие десятилетия, пока несовершенство некоторых из них становится очевидным. Да и общее правило никто не отменял: чем сложнее, тем ненадежней.

Наличие психофизиологической экспертизы не исключает ее дополнительный и повторные варианты. Как оценивать результаты психофизиологических экспертиз, если на одни и те же вопросы даны разные ответы? Опыта таких оценок в России нет.

Анализ перечисленных и многих других проблем, возникновение которых обусловлено признанием института психофизиологической экспертизы, достоин отдельной статьи. Хотелось бы услышать мнение как сторонников «Полиграфа Полиграфовича», так и его противников.

Впрочем, практикам известен и другой подход к решению проблемы.

По приговору Приволжского окружного военного суда от 17 июня 2011 г. **военнослужащий** Хайлов и **гражданка** Филимонова признаны виновными в убийстве, совершенном группой лиц по предварительному сговору и сопряженном с разбоем; в разбое, совершенном с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, группой лиц по предварительному сговору, с применением предмета, используемого в качестве оружия, а также с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшей.

В кассационных жалобах осужденные и их защитники заявили о необоснованности приговора, ссылаясь на противоречия в его описательно-мотивировочной части. Суть позиций осужденных на этапе кассации заключалась в перекладывании вины друг на друга:

- Хайлов убийство не планировал и не совершал, а является лишь невольным свидетелем преступления, потерпевшую убила Филимонова;

- Филимонова – убийство совершил Хайлов.

Военная коллегия, отменяя приговор Верховного Суда РФ, указала следующее.

Вывод суда о том, что убийство совершено в результате совместных заранее согласованных действий Хайлова и Филимоновой основан на показаниях обоих осужденных, данных ими при допросах в качестве подозреваемых, результатах проверки их показаний на месте, заключений судебно-медицинской, ситуационных, **психофизиологических экспертиз** и других экспертиз.

Все эти доказательства, за исключением первоначальных показаний обоих осужденных, от которых они отказались в ходе предварительного следствия, судом кассационной инстанции квалифицированы как **«косвенные и производные от этих показаний»** (выделено нами – *Н. Колоколов*).

Алгоритм рассуждений Военной коллегии Верховного Суда РФ следующий:

Из заключения судебно-медицинского эксперта следует, что на шее потерпевшей имелась **лишь одиночная прижизненная горизонтальная незамкнутая странгуляционная борозда**. Это может свидетельствовать о том, что положение ремня на шее потерпевшей в период лишения ее жизни оставалось неизменным, а примененное затягивающее усилие было непрерывным.

При таких обстоятельствах суду надлежало проверить с привлечением эксперта возможность сохранения ремня неподвижным на шее потерпевшей и причинение ей одиночной странгуляционной борозды при передаче одного конца ремня из рук Хайлова в руки Филимоновой.

Из заключения эксперта, проводившего ситуационную экспертизу, видно, что механизм удушения Ко-

ротун частично соответствует показаниям Хайлова от 30 апреля, 4 и 6 мая 2010 г., в том числе при проверке показаний на месте, о том, что он накинул ремень на шею потерпевшей сзади, а спереди затянул его, сомкнув концы крест-накрест, а также показаниям Филимоновой на дополнительном допросе и следственном эксперименте от 13 и 14 октября 2010 г., соответственно, о том, что она видела, как Хайлов стоит на коленях на водительском сидении, повернувшись лицом к заднему сидению и душит Коротун, скрестив ремень на ее горле.

При этом **эксперт указал на несоответствие механизма удушения Коротун показаниям Хайлова** о том, что он затем стал душить Коротун вдвоем с Филимоновой, нагнув голову потерпевшей вперед между передними сидениями.

Об указанном в дополнительном заключении эксперта возможном механизме удушения Коротун в результате совместных и согласованных действий Хайлова и Филимоновой, который суд признал соответствующим действительности, никто из осужденных никогда не показывал и не демонстрировал на следственном эксперименте. **В каком положении должна была находиться голова потерпевшей при таких обстоятельствах, эксперт не уточнил.**

Суд признал правдивыми показания Хайлова и Филимоновой о механизме причинения смерти Коротун, данные ими при допросах в качестве подозреваемых.

Согласно этим показаниям Хайлова, он вначале один затягивал ремень на шее потерпевшей около 4–5 минут и лишь затем к нему присоединилась Филимонова. Филимонова же показала, что она села на переднее сидение и совместно с Хайловым стала затягивать ремень на шее Коротун спустя примерно 6 минут после того, как Хайлов начал ее душить.

Из заключения судебно-медицинского эксперта следует, что процесс наступления смерти при удушении происходит в несколько этапов, общая продолжительность которых составляет до 4,5 минут.

При таких обстоятельствах суду, надлежало выяснить, оставалась ли живой Коротун к тому моменту, когда, согласно версии обвинения, Хайлов передал один из концов ремня Филимоновой. Однако, этого сделано не было.

Делая вывод о причастности обоих осужденных к убийству Коротун и признавая достоверными показания свидетеля Круглова (брат Филимоновой) о том, что он знает о совершенном убийстве со слов Хайлова и Филимоновой, суд сослался на заключения «психофизиологических экспертиз», в ходе которых правдивость сообщаемых Кругловым и Филимоновой сведений проверялась с помощью технического средства – полиграфа.

Однако, экспертом не представлено и судом не установлено научно-обоснованное подтверждение надежности и достоверности результатов подобных исследований, которые позволяли бы признать их доказательством по уголовному делу в соответствии с требованиями ст. 74 и 80 УПК РФ[2].

Таким образом, вывод суда первой инстанции о совершении Хайловым и Филимоновой инкриминированных им деяний основан на доказательствах, достоверность которых не была должным образом проверена, а имеющиеся в них противоречия не были устранены либо оценены; т.е. данный вывод не соответствует фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом, в связи с чем приговор подлежит отмене с направлением уголовного дела на новое судебное разбирательство, в ходе которого суду надлежит тщательно исследовать все обстоятельства убийства Коротун, оценить в совокупности представленные сторонами доказательства и дать содеянному надлежащую юридическую оценку.

Результат **психофизиологической экспертизы** – комплекс сведений о состоянии допрашиваемого лица. Само по себе наличие данной информации процессу доказывания не мешает, однако и не позволяет его субъектам сделать категоричный вывод о достоверности сказанного испытуемым. В текущий момент времени полиграф – мода, поиск очередного «философского камня». Практика свидетельствует, что в подавляющем большинстве случаев назначение психофизиологической экспертизы ходом расследования не обусловлено, ее выводы бесполезны. Выход экспертов за пределы их компетенции заставляет задуматься об их порядочности.

---

[1] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 8 февраля 2001 г. № 72-О11-3. Электронный архив Верховного Суда РФ за 2011 г.

[2] Кассационное определение Военной коллегии Верховного Суда РФ от 17 ноября 2011 г. №203-011-4. Электронный архив Верховного Суда РФ.